

ЕВРАЗИЙСКАЯ ДИАЛЕКТИКА ИСТОРИИ В ВОЗЗРЕНИЯХ Г.Н. ПОЛКОВНИКОВА

© 2023

Быстрыков В.Ю.

Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Российская Федерация)

Аннотация. В статье рассматривается роль и значение книги Г.Н. Полковникова «Диалектика истории» в эволюции идеологии евразийского движения. На рубеже 1920–1930-х гг. евразийское движение переживало кризис. «Клармарский раскол» и финансовые проблемы серьезно ограничили возможности издавать новые сборники и привлекать новых сторонников. В силу разных причин от участия в движении постепенно отходили такие знаковые фигуры, как Н.С. Трубецкой, Л.П. Карсавин, П.П. Сувчинский. Евразийство просуществовало до второй половины 1930-х гг. во многом благодаря энергичной деятельности П.Н. Савицкого и его сподвижников по Пражской евразийской группе. В ситуации финансового и кадрового кризиса одной из важнейших задач являлось сохранение издательской деятельности движения. Именно в таких условиях, в начале 1930-х гг., появилась книга Георгия Николаевича Полковникова (1902 – ?) «Диалектика истории». В ней автор сделал попытку представить комплексное видение эволюции человеческого общества и ее закономерностей на Западе и на Востоке. Особое внимание было уделено проблемам определения места и роли России в мировом сообществе наций и государств. Следует сказать, что даже среди сторонников движения книга вызвала противоречивые отклики. В 1930-е гг. в евразийских изданиях вышло лишь несколько работ такого объема, но в современной историографии она остается практически не изученной и не вписанной в общий контекст истории движения.

Ключевые слова: история евразийского движения; диалектика истории; евразийская идеология; Россия–Евразия; антизападничество; Полковников Г.Н.; Савицкий П.Н.; Трубецкой Н.С.; Флоровский Г.В.; Карсавин Л.П.; Восток и Запад.

EURASIAN DIALECTICS OF HISTORY IN THE VIEWS OF G.N. POLKOVNIKOV

© 2023

Bystryukov V.Yu.

Samara State University of Social Sciences and Education (Samara, Russian Federation)

Abstract. On the turn of 1920–1930s the Eurasian movement was experiencing a crisis. Clamart Schism and financial problems hindered the ability to publish new books and attract new supporters. For various reasons many notable figures such as N.S. Trubetskoy, L.P. Karsavin, P.P. Suvchinsky, were distancing themselves from the movement. Eurasianism lasted until the second half of 1930s, largely due to the vigorous activity of P.N. Savitsky, and his associates in the Eurasian Group in Prague. During financial and personnel crises, one of the most important tasks was to preserve the publishing activities of the movement. It was in such conditions, in the early 1930s, that the book by Georgy Nikolaevich Polkovnikov, called «Dialectics of History» appeared. In it, the author made an attempt to describe a complex vision of the evolution of human society and its patterns in the West and in the East. Extensive attention was given to the problem of determining the place and role of Russia in the world community of nations and politics. Suffice to say that even the people who supported the movement had contradictory responses to the book. In 1930s only a few works of this volume were produced by Eurasian Publications, but in modern historiography it remains virtually unexplored and not inscribed in the history of the movement. The paper examines the role of the book and its significance in the evolution of the ideology of the Eurasian Movement.

Keywords: history of the Eurasian movement; dialectics of history; Eurasian ideology; Russia–Eurasia; anti-Westernism; Polkovnikov G.N.; Savitsky P.N.; Trubetskoy N.S.; Florovsky G.V.; Karsavin L.P.; East and West.

Евразийская литература, появившаяся в 1920–1930-е гг., насчитывала несколько десятков книг, сборников статей и периодических изданий. Ее основной массив составили работы П.Н. Савицкого, Н.С. Трубецкого, П.П. Сувчинского, Г.В. Вернадского, Л.П. Карсавина, Н.Н. Алексева. Значительное число авторов опубликовало относительно небольшое количество книг и статей, место которых в общей системе идеологии евразийства определяется не только заложенными в них идеями, но и взаимоотношениями авторов с лидерами движения. Одной из малоизвестных фигур среди таких авторов является Г.Н. Полковников. Он опубликовал только одно произведение в евразийском издательстве – книгу «Диалектика истории». Несмотря на то, что и по объему, и по глубине поставленных в ней задач, и даже по

названию она должна занимать одно из заметных мест в идеологии движения и в его историографии, она такого места не занимает, оказавшись практически неизученной.

В эмигрантской среде работа Г.Н. Полковникова оставила несколько откликов – например, П.М. Бицилли написал небольшую заметку после ее выхода. Он оценил ее достаточно критично, отказав ей в праве считаться научным достижением евразийства и назвав «ученически ученой». Он считал, что автор оперировал устаревшими формулами, при этом не всегда используя их по назначению. Главной целью работы П.М. Бицилли видел в критике современной западноевропейской культуры и досадовал, что при этом Г.Н. Полковников ничего не писал о современном культурном кризисе [1, с. 96]. Б.В. Яковенко в

своем собирательном труде уделил ей несколько строк в параграфе, посвященном евразийскому мировоззрению. Он определял место книги в ряду «новейших значительных работ евразийцев», кратко характеризуя ее некоторые тезисы. Например, он указывал, что задачу русской национальной культуры Г.Н. Полковников видел в приближении к «интуитивно улавливаемой универсальной общечеловеческой культуре или, что одно и то же, к всеобщему абсолютному идеалу» [2, с. 451].

Современная историография также скудна на оценки роли книги Г.Н. Полковникова. На нее практически никогда не ссылаются авторы серьезных работ по эволюции евразийской идеологии в целом и его исторической концепции в частности [3–6], и только М. Ларюэль трижды упоминает ее в своих многочисленных сносках [7]. Практически единственный вариант анализа книги представлен у В.И. Повилайтиса, который считал, что Г.Н. Полковников не создал новой философской системы, а только упорядочил наработанный материал, пытаясь «сформулировать позицию движения по проблеме исторического процесса» [8, с. 102]. Своеобразное понимание Гегеля и Соловьева привело к созданию метафизической интерпретации исторического процесса, выделения в нем трех этапов: «от примитивной интуиции через ее отрицание богочерским радио к синтезу мистического разума» [8, с. 105]. Идеологическое понимание истории определяло метод: Г.Н. Полковников только иллюстрировал выделенные закономерности богатым историческим материалом, идя от анализа логики исторического развития к описанию самого процесса. Он не изучал историю, а искал ее сверхисторическую логику. Смещение внутренней истории Духа и внешней истории в дискурсе Г.Н. Полковникова выдвигало на первый план модели и схемы, которые невозможно ни доказать, ни опровергнуть. В.И. Повилайтис считает, что его книга интересна тем, что она характеризовала собой попытку «превращения отвлеченных философских положений в политическую идеологию – с неизбежными в данном случае упрощениями и искажениями» [8, с. 112]. Его книга являлась попыткой трансформации евразийства в идеологическую систему на социально-философском фундаменте. Однако она окончилась неудачей – многообразие интерпретаций сделало невозможным создание единой системы, а «попытки навести порядок в этом многоголосье обернулись эклектикой и догматизмом» [9, с. 45].

Изредка имя Г.Н. Полковникова упоминается в научной публицистике. Например, А.Г. Гачева пишет, что в своей работе он предпринял попытку построения евразийской историософии на основе гегелевского учения о диалектике [10, с. 227]. Небольшие биографические данные о Г.Н. Полковникове представлены у Т. Оболевич. Он родился в 1902 г., учился в Михайловском артиллерийском училище в Санкт-Петербурге, транзитом через Константинополь попал в Прагу, где закончил медицинский факультет. После Второй мировой войны он работал врачом в г. Потштэйне, в 150 км к востоку от Праги, недалеко от границы с Польшей, вплоть до своей смерти в 1970-е гг. [11, с. 183–184].

Следует сказать, что столь же малочисленный характер имеют и источники. В письме к Э. Хара-Да-

вану, написанном в конце 1920-х гг., Г.Н. Полковников, называя себя «пражским евразийцем», комментировал некоторые моменты исторического развития страны. В силу того, что в своей книге он ничего не писал о различных этапах истории России, оно является важным источником для изучения его взглядов по этому вопросу. Он характеризовал события Смуты (а также войны 1812 г.) как время предельного напряжения народных сил. Смута заканчивала «удельно-вечевой период» развития и начинала эпоху «ударной Руси», основанной на всенародном тягле, которое несли все, «начиная от Царя и кончая низшими состояниями тогдашнего государства» [12, л. 75]. Для того, чтобы преодолеть революцию и восстановить силы, России нужно такое же предельное напряжение. Г.Н. Полковников говорил о самодостаточности «особого мира России», ее способности жить своими силами и критиковал представителей русской интеллигенции и политических сил: европейцев-реставраторов и европейцев-коммунистов. Первые желали опереться на Германию или Францию и видели свой идеал в «приличной европейской России», последние уповали на мировую революцию, а Россию представляли как плацдарм для нее. В области внутреннего устройства государства эти силы также видели свои идеалы в европейских порядках: республика, монархия или «фанатическая преданность системе материалистического процесса истории» [12, л. 78]. Борьба демократов и коммунистов на русской почве представляла собой борьбу европейских идей. «И монархисты, и демократы, и коммунисты принадлежат к минувшей эпохе, к эпохе «европейской России», которая началась Петром I и кончилась русской революцией» [12, л. 78]. Г.Н. Полковников писал, что евразийство, в отличие от реставраторов и коммунистов, утверждало Россию и поэтому находилось в основном русле русского исторического процесса. «Будем же молиться о рождении новой, великой, великодержавной, самобытной России, так дивно сочетавшей в себе евразийские элементы. Это сочетание дает уверенность в том, что будущий свет России проникнет и в Европу и в Азию» [12, л. 79]. Мысли, высказанные Г.Н. Полковниковым в этом письме, практически полностью соответствовали тем идеям, которые были изложены в евразийских текстах.

Несмотря на наличие этого письма, следует сказать, что в протоколах Пражской группы евразийской организации за 1929 г. имя Г.Н. Полковникова не упоминалось. В ходе событий, связанных с «клармарским расколом», в начале 1929 г. по инициативе П.Н. Савицкого был создан Евразийский Распорядительный Комитет. В Президиум Комитета вошли сам П.Н. Савицкий, Н.Н. Алексеев и Н.А. Клепинин. В ходе подготовки Первого съезда евразийских организаций на заседании Президиума 21 мая 1931 г. было решено персонально пригласить на съезд В.Н. Ильина и Г.Н. Полковникова [13, л. 346]. На первом предсъездовском совещании 30 августа 1931 г., в котором участвовали П.Н. Малевский-Малевиц, К.А. Чхеидзе и П.Н. Савицкий, обсуждалась предварительная программа работы съезда и на третий день помимо прочих был запланирован доклад Г.Н. Полковникова [14, л. 65]. Но в целом в документах, посвященных первому съезду евразийских организаций, отложивших-

ся в фонде П.Н. Савицкого, его имя практически не фигурировало, в отличие от К.А. Чхеидзе, А.В. Усачева, Н.А. Клепинина и других. Следует добавить, что в переписке участников движения, обширно издаваемой в современной России, имя Г.Н. Полковникова также упоминается крайне редко [5; 15–17].

Таким образом, фигура Г.Н. Полковникова и его практическая роль в движении остаются во многом еще не изученной в силу объективных причин, и мы будем выстраивать некоторые гипотезы, опираясь на данные о фактическом состоянии дел в евразийском движении к моменту появления книги «Диалектика истории». Как известно, постклармарское развитие евразийства характеризовалось нарастающим финансовым и кадровым кризисом. После отъезда Г.В. Вернадского в США, раскола, фактического отхода от движения Н.С. Трубецкого вокруг П.Н. Савицкого из значительных фигур остался только Н.Н. Алексеев. На смену классикам евразийства приходили такие фигуры, как В.Н. Ильин и К.А. Чхеидзе (отчасти и Я.А. Бромберг, но он опубликовал заметно меньшее число работ в евразийских изданиях).

Роль главного философа движения всегда была очень важной для его лидеров. Лингвист и этнограф Н.С. Трубецкой, экономист-географ П.Н. Савицкий и музыковед П.П. Сувчинский не могли на нее претендовать. На заре существования движения эту нишу успешно занимал Г.В. Флоровский. Несмотря на небольшое количество работ, опубликованных в первых евразийских сборниках, все они считаются важными источниками по истории евразийства. После его ухода из движения П.П. Сувчинский активно продвигал на эту роль Л.П. Карсавина, который вплоть до раскола был «штатным философом» движения. После «клармара» это место оказалось вакантным. На него мог бы претендовать и В.Н. Ильин, опубликовавший в евразийских изданиях более десяти работ, преимущественно религиозно-философского содержания. Но, во-первых, он проживал в Париже, то есть далеко от П.Н. Савицкого, во-вторых, он увлекался «философией общего дела» Н.Ф. Федорова, к которой, например, Н.С. Трубецкой относился более чем прохладно. В окружении П.Н. Савицкого уже был человек, пропагандировавший синтез федоровства и евразийства – К.А. Чхеидзе [18]. Сам П.Н. Савицкий осторожно относился к подобным попыткам, оставляя их на выбор участникам движения, но такого перекоса в сторону федоровства в «философской части» движения поддерживать не мог.

В одной из своих неопубликованных историографических работ, П.Н. Савицкий называл именно Г.Н. Полковникова, наряду с Я.А. Бромбергом, «молодой философской сменой в евразийстве» [19, с. 387]. Такая высокая оценка могла быть связана и с тем, что Г.Н. Полковников какое-то время представлял ценность для П.Н. Савицкого как возможный специалист по философским вопросам. Эволюция евразийства в начале 1930-х гг. не позволяла П.Н. Савицкому, его единственному лидеру, разбрасываться кадрами. Однако другой лидер движения, отошедший от активного участия в решении организационных вопросов, но не утративший своего морального и интеллектуального авторитета – Н.С. Трубецкой – отнесся к книге отрицательно, раскритиковав ее в письме П.Н. Савицкому в конце 1931 г. Он назвал ее

«безнадежной ветошью» в русле работ Г.В. Флоровского, Н.С. Арсеньева и Л.П. Карсавина. По свидетельству Н.С. Трубецкого, ему это направление казалось чуждым. «Русские богоискатели-декаденты совершенно бесплодны и не имеют никакого чувства реальности» [20, с. 345]. Он считал, что Г.Н. Полковников обладал ограниченным кругозором, небольшим количеством основных понятий, исторической и социальной слепотой. Особенно он критиковал у него концепт «Восток», считая его простой антитезой Западу как «не-Европы» и указывая, что оперировать с ним может только человек, только по недоразумению считавший себя евразийцем [20, с. 346]. Н.С. Трубецкой писал, что Г.Н. Полковников не ощущал современности и жалел, что книга вышла в евразийском издательстве. В феврале 1933 г., комментируя присланную П.Н. Савицким статью о революционной философии, Н.С. Трубецкой решительно протестовал против упоминания имени Г.Н. Полковникова, называя его «бездарным дилетантом и верхоглядом», а его работу – «позорной книжонкой», предлагая замалчивать тот факт, что он издался у евразийцев, как в свое время замолчали книгу «Комплектование Красной армии» [20, с. 361]. Н.С. Трубецкой отмечал, что П.Н. Савицкий отвел ей больше места, чем работам П.И. Новгородцева, считая, что внимание к таким авторам, как Г.Н. Полковников, снижает уровень русской нематериалистической философии.

Такая разность оценок от двух признанных лидеров движения – «молодая философская смена» и «позорная книжонка» – заставляет обратиться к самой книге, рассмотреть те идеи, которые предлагал Г.Н. Полковников, и определить их отношение собственно к евразийской идеологии, а именно к ее двум определяющим принципам: к утверждению особого мира России-Евразии и антизападничеству.

В самом начале своей работы Г.Н. Полковников констатировал разрыв между природой и историей и противопоставление метода истории методу естественных наук. Философия истории должна представлять определенное единство, которое может быть или механическим набором элементов, или органическим единством. В первом случае природа является системой изолированных тел, без идеи непрерывного развития, подчиненная механическим законам причинности. Однако в современной математике существует стремление возвыситься к «непрерывности, как высшей реальности». Такие же процессы наблюдаются и в социальных науках, и в частности в историческом знании. Тенденции к видению истории как целого он находил у О. Шпенглера, но считал, что это стремление оставалось у него до конца не реализованным [21, с. 4].

Введение в философию истории категорий «развитие» и «становление» давало возможность допущения иной высшей логики, нежели логика механического и природного рассудка. Г.Н. Полковников выделял и противопоставлял два этапа развития культуры: период становления, когда она питалась религиозной интуицией, и «рассудочную культуру», возникшую на этапе атеистической материалистической цивилизации, знаменующей начало ее конца. Абсолютность пространства и времени делает абсолютным причинный закон. Последовательный рас-

судок должен был прийти к отрицанию бесконечности как отсутствию «причины вне себя» и, зародившись в примитивном религиозно-анимистическом мировоззрении, преодолеть его. Из него выросли материалистическая биология, демократия как механическое понятие об обществе и государстве, рационалистическая история и механическая традиционная логика. Но материалистический рационализм не является высшей точкой познания, органическая логика еще остается не открытой и не выясненной.

В рассмотрении методов исторического познания Г.Н. Полковников исходит из противопоставления интуиции и индукции. Последняя появилась из английского сенсуализма и была тесно связана с механически-материалистическим мировоззрением. Абсолютное в этом мировоззрении воспринималось не как нечто трансцендентное, а как сумма множественности телесных вещей. Чувства порождали пространственно-временную реальность, ставшую единственной для научного познания, а реальность нечувственного становилась фикцией. Если только чувственный опыт дает реальное познание, общие понятия являются абстракцией, а разум искажает мир. Эта логика вела к скептицизму, поскольку познание при переходе от чувственного восприятия единичного к более общему становится невозможным. Оставаясь на позиции сенсуализма, индукция не могла объяснить настоящее научное творчество – интуицию ученого и роль гения, а без этого необъяснимо органическое живое творческое развитие научного знания.

Механическая причинность природы отрицает свободу, ставит рациональное мышление выше всего. Концепции парламентаризма и демократии вытекают из исторической механики, когда посчитанное количество голосов и выработка конституции достаточно для установления истины. Рационализм понимал и выстраивал природу и общественную жизнь механически. Но рационализм также постоянно сталкивался с не-механическими понятиями: жизнь, личность, творчество, развитие, непрерывное изменение, через самоутверждение вскрывал свою ограниченность и переходил в свое отрицание. В пределе он сводил государство и нацию к сумме воли, дезавуируя традиционные исторические формы и порождая идею революции как переустройства общества на рациональных началах. В революции обнаруживали себя иррациональные силы истории, которые указывали на более глубокую суть государственного и национального бытия. Немеханические основы жизни должны восстать в истории против бездушного механического рационализма как его отрицание. Противоречие истории, антиномия Востока и Запада особенно ярко выражено в русской душе, и евразийство есть попытка разрешения этого противоречия [21, с. 47].

Исторический процесс состоял из трех этапов: непосредственного знания и первичной интуиции, мыслящего рассудка и рационализма (этап возникновения Запада как противопоставления Востоку) и эпохи синтеза. Носителем рационализма выступал Запад, не-чувственного – Восток, и преодолеть их раскол должен был новый синтез, диалектический монизм. «Этот синтез достигается в мистическом разуме – в утверждении, что все – нечувственно и чув-

ственно сразу» [21, с. 33]. В историческом процессе такой синтез проявлялся, например, в слиянии интуиции и разума, Откровения и философии в христианстве. Г.Н. Полковников констатировал кризис рационализма Запада в современности, такой же, как и в эпоху эллинизма. Далее он выдвигал духовную сверхзадачу для России, предполагая, что именно евразийцы справятся с ее решением. Революция вскрыла неведомые рационалистам силы и стихии, поэтому вслед за ней следовал кризис рационализма, переживаемый как кризис западной культуры. Он заставлял обращаться к анализу ограниченности эллинской культуры и вел Россию к осознанию собственной духовной самостоятельности, отделения национальной идеи от исторической идеи Запада. Евразийцы, как продолжатели русской философии, должны были найти новый выход из этого кризиса. Россия в своей традиции связана с Восточным христианством, а рационализмом – с Западом. «Ее положение особенное, и в сознании этой особенности мы должны попытаться по-новому разрешить намеченные проблемы, не удовлетворяясь решениями Запада» [21, с. 40].

На примере истории Древнего мира Г.Н. Полковников различал внешнюю историю – политических и экономических взаимоотношений и внутреннюю историю – духовных самоутверждений, роста и гибели культур. Но в основе внешней все равно лежала история Духа, поскольку невозможно путем анализа политико-экономических факторов понять, как из разрозненных общин создаются мировые империи. Главным фактором в таком становлении была религия, дававшая нации ее «духовное и культурное самоопределение, ее гений, пафос самоутверждения» [21, с. 51].

В очередной раз Г.Н. Полковников указывал на разные векторы развития Востока и Запада. На Востоке человек был всецело подчинен государству и божеству, на Западе человек уже хотел жить для себя и никакого Целого он не знал, хотя в нем были скрыты все органические начала: религия, государство и нация. В противоположность земледельческим государствам Востока индивидуалистическая цивилизация становилась городской, торговой и промышленной. Пробуждающийся разум отвергал традиционную религию и дал начало философии, эмпирической науке и технической цивилизации. Таким образом возникли две крайние исторические противоположности при непрерывном переходе между ними. Греческий рационализм, нанеся мощный удар по персидской миродержавной идее, переродился в римский космополитизм и миродержавие, который подготовил почву для последнего религиозного раскрытия в христианстве. Г.Н. Полковников называл этот процесс «непрерывной спиралью», считая, что рационалисты уяснить его не могут.

С одной стороны, Г.Н. Полковников противопоставлял западную культуру восточной, с другой – говорил о непрерывности перехода и о наличии различных признаков в обществах Древнего Востока, которые нашли свое полное воплощение в греческой демократии. Но тем не менее последняя всегда проигрывала монархии. Он считал, что история античности показала, что наличие власти у одной из групп населения вело к ожесточенной классово-войсковой борьбе и диалектике демократии, логический предел которого

– это насилие одного класса над другим и гибель целого. Он утверждал, например, неспособность греческой демократии примирить диалектику классов и частные интересы с нуждами целого. Монархия всегда давала органические начала – и в Македонском царстве, и в Римской империи, став в последней формой надклассовой диктатуры. В личности Октавиана Августа сближались противоположности республики и монархии и власть римских императоров, соединяя органические восточные и западные начала государства [21, с. 68].

Характеризуя Запад, Г.Н. Полковников писал о последовательном превращении государства в рационализированное общество, отрицании всех иррациональных моментов исторического и космического бытия. Если весь мир чувственен, а нечувственного нет, то нет и Абсолютного в личности, она не может его найти в своих глубинах, направляя всю энергию на внешний мир, преодолевая там зло внешними средствами. Возможность воздействовать на зло лишь внешними причинами порождала пафос социального и политического строительства. Созерцательный тип Востока заменялся действенным типом Запада, религия утрачивала свой трансцендентный характер, становясь элементом политической борьбы. Мечты о справедливом устройстве общества приводили к гражданским войнам и насилию, а мечта о свободе – к рабству у механического мира. Освободившись от духовного и политического подчинения, традиция, личность оказывались во власти материи.

Признание бытия иррационального означало капитуляцию рационализма, а противоположение рационального и иррационального являлось лишь средством для синтеза, снимающего их противоречия. Первым таким синтезом было учение Платона. Тяга к вселенской культуре, наличествовавшая и у Александра Македонского, и у римских императоров, готовила приход христианства. Вскрывая неразрывную связь чувственного и нечувственного, оно объединяло мистическую традицию Востока и разум Запада [21, с. 101]. В дальнейшем отпадение христианства от своей эзотерической истины, рационалистическое перерождение в средневековый католицизм рационализировали, то есть лишили его всеобъемлющего синтетического характера. Эзотерическая интуиция первоначального христианства через Византию была унаследована в России.

Церковный раскол и переход в средневековье усиливал процесс рационализации христианства. Платонический дух оказывался чуждым и непонятным рационалистическому Западу. Платона заменил рационалистически истолкованный Аристотель, в недрах схоластики готовился переход к Новому времени. От номинализма оставался уже один шаг до английского сенсуализма и материализма. В западном средневековье не было остроты понимания и свободы разумного искания, как на Востоке. Средневековье перешло от платонизма к натурализму и чувственному рассудку, постигающего лишь реальность единичного и материального. Идеологическая борьба вела к становлению западного духа, с его материалистическим пониманием бытия и ощущением логической ненужности всего иррационального. Философия Нового времени представляла, по сути, отрицание религиозной идеи. В эпоху Просвещения претен-

зии рационализма на универсальность приводили к отрицанию всего иррационального в политическом, государственном, национальном бытии, всех органических, сверхличных, подсознательных начал истории. Просвещение уже не ощущало человечества как единого мистического организма, видя лишь отдельных людей в их примитивном эгоизме. В его рационализме завершается разложение и смерть католического средневековья. Через идею революции оно несет в себе полное отрицание исторической традиции, желание построить новую жизнь на справедливых началах, основанных на идеалах равенства. Результатом этой борьбы стал новый синтез, политически нашедший выражение в империи Наполеона I. В философии немецкий идеализм преодолел рационалистическое понимание «все чувственно». Нечувственное стало Абсолютом Шеллинга и Абсолютным Духом Гегеля [21, с. 145].

Наконец, в финале своей книги, после долгих размышлений о судьбах европейской философии, Г.Н. Полковников переходил к России в главе с характерным названием «Предзнаменования грядущей синтетической культуры». Интуиция диалектического единства чувственного и нечувственного от немецкой классической философии перешла в русскую религиозную философию, центральной темой которой стала мистическая идея всеединства. Именно в России высшие достижения интеллектуального развития Запада соприкоснулись с истоком всякой культуры – религиозной интуицией. Русское православное сознание оказалось способным принять интуицию единства чувственного и нечувственного, от которой отпало католическое сознание.

Г.Н. Полковников утверждал противоречивость русской души, в которой одинаково сильны стихии отрицания и утверждения, особо остро в ней ощущалось противоречие Востока и Запада, интуиции и разума. Россия должна до конца изжить духовное противоречие Запада. Восточная стихия, живущая в ее народной душе, делает ее положение особым и определяет историческую миссию. Россия должна примирить человека не только с Богом, но и с органическими началами космоса и истории. Без этого Запад не сможет найти выход из антиномии единичного и общего, частного и целого, чувственного и нечувственного, личности и коллектива. Большевик начал сближать противоположности, но в меру своего рационализма, он не мог достигнуть действительно синтеза. «Только христианская культура может внести разрешение, повысив коллектив до нечувственного всеединства человечества, в котором личность не ущемлена в своей свободе и автономии, но достигнет полноты бытия и самораскрытия» [21, с. 165]. Главным вектором являлось возрождение платонической интуиции средневековья, восходящей к религиозной интуиции Востока и мистической интуиции Всеединства. В противоположность государствам Запада, построенным на началах борьбы классов и партийных интересов, Г.Н. Полковников предлагал построить христианское государство, построенное на началах любви. Структура такого государства должна включать начала демократии как избрания и постепенного отбора правящей среды с олигархией лучших носителей государственной и национальной идеи [21, с. 167].

Г.Н. Полковников отвергал исторический эволюционизм и прогрессизм, считая, что в нем нет места иррациональной и органической стихиям истории. Задачи прогресса являются чисто внешними – полное обеспечение равенства и бессодержательной свободы для каждого делать то, что он захочет. Критика идеи прогресса приводит к культурному релятивизму, к утверждению самоценных и самобытных культур со своими истинами. Однако эгоцентрическое самоутверждение культур не оправдывает скептицизма относительно реальности непрерывного исторического развития и единства всечеловеческой культуры. В каждой частной культуре и ее истине раскрывается «еще нигде до конца эмпирически неосуществленная всечеловеческая культура и абсолютная истина» [21, с. 169]. Соответственно задачей национальной русской культуры является «предельное приближение к эмпирически нигде не данной, но лишь интуитивно нами прозреваемой вселенской, последней, всечеловеческой культуре, или, что то же, – к всечеловеческому Абсолютному идеалу» [21, с. 170].

Можно сказать, что идеи, заложенные в работе Г.Н. Полковникова «Диалектика истории», полностью соответствовали евразийской идеологии, отражая ее сложности и противоречия. Для Г.Н. Полковникова, как и для всего евразийства, была характерно смешение реального объекта и объекта познания [6, с. 313], однако в основном это происходило при рассмотрении особенностей России-Евразии. В книге был представлен иной объект изучения, но тем не менее не всегда понятно, насколько рассуждения автора характеризовали качества концептов «природа» и «история», а насколько – состояние его изучения в различных философских школах. История философии пересекалась непосредственно с историческим процессом, объект смешивался с реальностью, и в такой логике грядущий синтез Востока и Запада становился практически безальтернативным и неизбежным.

Г.Н. Полковников попытался объединить два вектора евразийской идеологии – антизападничество и утверждение особого мира России-Евразии. Но это оказалось сделать также сложно, как и сначала разъединить Восток и Запад, а потом свести их в некоем синтетическом единстве во главе с Россией. Обоснование в одном тексте сразу двух векторов приводило, например, к разным оценкам значения европейского средневековья. С одной стороны, оно было проводником рационализма, чуждого платоническому духу, с другой – обладало платонической интуицией, связанной с Востоком. Первый тезис использовался в обосновании антизападничества, второй – в утверждении особого мира России-Евразии, поскольку обозначал духовную традицию в обосновании претензий на главную роль в предстоящем синтезе Запада и Востока.

Эволюция материализма и рационализма, как и противостоящие ей тенденции, тянулись от Древнего Востока и античности до Новейшего времени. Эти две традиции пересекались иногда неожиданно, находя свое выражение и в возникновении христианства, и во власти Октавиана Августа, и в империи Наполеона, и в построениях немецкой классической философии. Необходимость доказывания пагубности

европейских идей определяла критическое отношение к развитию европейской философии. Линия Аристотеля, английского сенсуализма, рационализма могла возникнуть только на Западе и обладать существенным набором отрицательных характеристик. Постулировалось, что религиозный вектор развития восточных культур был гораздо более плодотворен. В книге было представлено несколько видов классификации исторического и культурного развития человечества. Они были похожи тем, что там обязательно выделялся этап, связанный с преобладанием западной культуры, оцениваемый как тупиковый, и прогнозировался будущий синтез двух Абсолютов – Востока и Запада, осуществить который могла только Россия.

Но в начале 1930-х гг. такие идеи смотрелись уже асимметрично с общей направленностью евразийских текстов. Практические вопросы социально-экономического развития и государственного устройства страны в постклармарском евразийстве были обозначены гораздо более четко, нежели религиозные искания и философские рассуждения 1920-х гг. Тема культурного синтеза западных и восточных начал уже диссонировала с этой практической ориентацией. Утверждать существование особого мира России-Евразии оказалось гораздо легче в географических, экономических, политических терминах, нежели в философских. В Декларации 1932 г. нет ни слова о «всеобъемлющем синтезе Востока и Запада», зато относительно подробно расписаны экономическая, национальная и культурная политика и принципы организации государства [22]. Линия, которую условно можно связать с Г.В. Флоровским и Л.П. Карсавиным, окончательно уступила линии П.Н. Савицкого, которого поддерживал и Н.С. Трубецкой, ратовавший за «чувство реальности». Вобрав в себя многие моменты классического евразийства, в какой-то мере мнимо Г.Н. Полковникова стала логическим завершением его философской части.

Таким образом, книга «Диалектика истории» является важным источником по истории движения. Следуя евразийской идеологии, работа Г.Н. Полковникова отразила и ее противоречия: разное видение евразийства со стороны его создателей, противоречивый смысл ее основных векторов – концепции России-Евразии и антизападничества. Тем не менее следование этим двум принципам, помимо прочего, несомненно включает книгу в состав «евразийских». Пусть, по мнению Н.С. Трубецкого, она была написана на крайне низком уровне, ее анализ помогает глубже понять эволюцию идеологии евразийства в 1920–1930-е гг.

Список литературы:

1. Бицилли П.М. Г.Н. Полковников. Диалектика истории // Новый град. 1932. № 2. С. 96.
2. Яковенко Б.В. История русской философии / пер. с чеш. М.: Республика, 2003. 510 с.
3. Антощенко А.В. «Евразия» или «Святая Русь» (Российские эмигранты в поисках самосознания на путях истории). Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2003. 392 с.
4. Вандалковская М.Г. Историческая наука российской эмиграции: «евразийский соблазн». М.: Памятники исторической мысли, 1997. 350 с.

5. Глебов С. Евразийство между империей и модерном: история в документах. М.: Новое издательство, 2010. 632 с.
6. Серио П. Структура и целостность: Об интеллектуальных истоках структурализма в Центральной и Восточной Европе. 1920–30-е гг. М.: Языки славянской культуры, 2001. 354 с.
7. Ларюэль М. Идеология русского евразийства, или Мысли о величии империи / пер. Т.Н. Григорьевой. М.: Наталис, 2004. 287 с.
8. Повилайтис В.И. Что есть история? Версии русского зарубежья. Калининград: Издательство РГУ им. И. Канта, 2009. 184 с.
9. Повилайтис В.И. Забытый сюжет в истории евразийства (о книге Г.Н. Полковникова «Диалектика истории») // Вестник российского государственного университета им. И. Канта. 2007. № 8. С. 39–45.
10. Гачева А.Г. Евразийство: от восточничества к всечеловечности // Тетради по консерватизму. 2015. № 5. С. 215–239.
11. Письмо Г.Н. Полковникова к П.Н. Савицкому // Оболевич Т. Семен Франк, Лев Карсавин и евразийцы. М.: Модест Колеров, 2020. С. 183–184.
12. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5911. Ед. хр. 56.
13. ГАРФ. Ф. 5783. Ед. хр. 450.
14. ГАРФ. Ф. 5783. Ед. хр. 446.
15. Савицкий П.Н. Научные задачи евразийства: статьи и письма. М.: Викмо-М, 2018. 678 с.
16. Трубецкой Н.С. Письма к П.П. Сувчинскому, 1921–1928 / сост. К.Б. Ермишина. М.: Библиотека-фонд «Русское Зарубежье»: Русский путь, 2008. 384 с.
17. Федоров Н.Ф.: pro et contra. В 2 кн. Кн. 2 / сост. А.Г. Грачева, С.Г. Семенова. СПб.: РХГА, 2008. 1216 с.
18. Быстрыков В.Ю. Евразийская идеократия К.А. Чехидзе // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2020. № 2 (34). С. 98–111. DOI: 10.32516/2303-9922.2020.34.9.
19. Савицкий П.Н. Идеи и пути евразийской литературы // Русский узел евразийства. Восток в русской мысли. М.: Беловодье, 1997. С. 369–388.
20. Письма Н.С. Трубецкого к П.Н. Савицкому // Соболев А.В. О русской философии. СПб.: Мирь, 2008. С. 327–493.
21. Полковников Г.Н. Диалектика истории. Париж: Издание евразийцев, 1931. 170 с.
22. Евразийство: Декларация, формулировка, тезисы. Прага: Издание евразийцев, 1932. 30 с.

Информация об авторе(-ах):	Information about the author(-s):
<p>Быстрыков Владимир Юрьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, права и методики обучения; Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Российская Федерация). E-mail: bokshich@yandex.ru.</p>	<p>Bystryukov Vladimir Yurevich, candidate of historical sciences, associate professor of World History, Law and Methods of Teaching Department; Samara State University of Social Sciences and Education (Samara, Russian Federation). E-mail: bokshich@yandex.ru.</p>

Для цитирования:

Быстрыков В.Ю. Евразийская диалектика истории в воззрениях Г.Н. Полковникова // Самарский научный вестник. 2023. Т. 12, № 1. С. 216–222. DOI: 10.55355/snv2023121215.